

С этими словами мальчик поднялся на ноги и направился в комнату своей матери. Он не знал точно, почему она сможет помочь ему с его проблемой, но что-то в его интуиции подсказывало ему, что она - то, что ему нужно... или что-то другое. В любом случае, он мог сказать, что это было где-то в области интуиции.

Однако, что Наруто не заметил, так это то, что дверь его матери была закрыта, что обычно означало, что она хочет уединиться. Впрочем, Наруто не отличался особой проницательностью.

"О-ой! Давай, Сочи, стучи в следующий раз!" - пожаловалась Кушина, скрестив руки на груди. Она как раз переодевалась в более удобную одежду после долгого дня, проведенного на побегушках в городе. Перед Наруто открылся вид на ее большие бледные молочные железы, которые нежно обнимал небесно-голубой лифчик, который она только что расстегнула. Длинные гладкие ноги прижимались друг к другу, пытаясь скрыть подходящие трусики, которые были натянуты на широкие бедра, достаточно слегка вдавливая кожу, чтобы показать эластичность плоти.

Обычно Наруто не очень понимал необходимость уединения при переодевании, особенно в собственном доме, он имел довольно хорошее представление о скромности. Но, кроме этого, вид обнаженной женщины не оказывал на него особого влияния; однако сегодня дело обстояло иначе...

"Ма-мама", - вскрикнул Наруто, и его лицо покраснело, так как он не мог отвести взгляд. Затем он завизжал, когда руки его матери ушли от прикрытия, сойдя с кровати, чтобы посмотреть, что не так с ее сыном, и тем самым небрежно обнажив ее грудь. Бледные пики вблизи оказались еще больше, с розовыми сосками, которые немного затвердели на открытом воздухе.

Эти детали, хотя и длились всего пару секунд, запомнились Наруто на несколько дней. Спереди на его боксерах появилось давление, и он застонал от неприятного ощущения.

"Э? Н-Наруто, что случилось? Что случилось, малыш?" - спросила Кушина, понимая, что ее сын явно в каком-то затруднительном положении. Конечно, как и полагается матери, ее беспокойство сразу же пересилило смущение от внезапного вторжения. Это также не позволило ей осознать это как таковое, что подлило масла в огонь и без того яростного пожара.

"М-мама... Я чувствую себя странно..." Наруто застонал, потирая шорты о свой придаток, из-за чего его глаза ненадолго расфокусировались. Но даже когда они сфокусировались, их встретила обнаженная, торчащая грудь его матери.

Вот так головоломка для нашего главного героя. Когда его мать не смогла обнаружить проблему, следующим логическим шагом стало тщательное обследование его тела; первым шагом было проверить наличие лихорадки.

Наруто упал со сковородки в огонь, когда его мать приблизила свое лицо к его лицу, положив мягкую руку ему на лоб. Ее губы были почти эротичны сами по себе, она рассеянно жевала нижнюю губу, сравнивая их температуру.

Конечно, она снова не помогла решить проблему, так как его температура подскочила от близости.

"Натуто! Ты горишь!" Она отстранилась и за руку повела его к кровати, давая Наруто возможность рассмотреть свой пухлый, полный зад. Ее трусики начали немного подниматься в щель, открывая больший вид на фарфоровые щечки.

Наруто застонал, коротко закатив глаза, и позволил своим ногам немного раздвинуться, невольно выставляя на всеобщее обозрение маленький шатер в своих боксерах.

Если бы Кушина была чуть более наблюдательной, она бы сразу это заметила. Однако, будучи частью культуры, в которой не было такого члена ниже пояса за пределами размножения, и ее глаза видели только потное лицо ее ребенка, она просто положила его на кровать и еще больше усложнила ситуацию.

На короткий миг показалось, что наступило облегчение, когда Кушина отстранилась и дала ребенку свободу, что было одновременно и облегчением, и загадочным разочарованием для Наруто. Тем не менее, его голова склонилась набок, чтобы снова посмотреть на мать, когда она наклонилась, чтобы достать что-то из ящиков, выставив свой зад на дальнейшее обозрение. И если этого было недостаточно, то, не найдя того, что искала, она растянулась на одной из полок, выставив напоказ голую спину, каждый мускул демонстрировал ее тело, когда она двигалась.

"О...~" Наруто застонал, его бедра инстинктивно задвигались, когда он смотрел, как фигура его матери делает так много соблазнительных вещей, что он даже не мог описать, почему они заставляют его чувствовать себя так хорошо.

В конце концов, Кушина вернулась с травяным лекарством и наклонилась к ребенку, чтобы взять одеяло с другой стороны от него. Ее толстые соски прошли в одном-двух дюймах от его рта, и Наруто вдруг вспомнились несколько лет назад, когда он имел возможность полакомиться ими, прежде чем перестал жаждать ее молока. Теперь эта жажда внезапно вернулась с новой силой, и его горячее дыхание, казалось, заставляло их становиться тверже, пока он смотрел... готовясь к тому, чтобы их пососать.

Его рот непроизвольно открылся, язык вытянулся, чтобы попробовать это вкусное, сливочное лакомство, но не только для этого, у него были смутные видения того, как он просто сосет у своей матери. Одна только мысль об этом возбуждала его, а не только вкус. Однако слишком скоро эти сочные сосочки оказались вне досягаемости его жаждущих губ, прежде чем его язык успел коснуться их. Кушина уже стояла на коленях рядом с его головой.

Она притянула его голову к себе, положив ее на свои крепкие мускулистые бедра. "Хорошо, Сочи. Теперь открой, чтобы я могла вставить это. Давай, под язык. Да, вот так", - успокаивающе пробормотала она, ее обычно жесткий фасад полностью отсутствовал.

По какой-то причине это возбуждало Наруто даже больше, чем то, что его голова находилась в нескольких дюймах от ее скрытого женского естества... но это, по крайней мере, помогло. Послушно открыв рот, он позволил ей вставить градусник и мечтательно уставился на ее овальное лицо. Ее рыжие волосы образовали занавес над их головами, приглушая окружающий свет.

Через несколько минут Кушина откинулась назад, отбросила волосы на плечо, отчего ее груди сильно покачивались, и вынула градусник, чтобы посмотреть температуру.